

«Низовая»* культура: к вопросу о понятии

Ядрышникова Л.Г.

Зачастую, когда мы говорим о художественных практиках повседневности, то говорим скорее о людях, занимающихся творчеством «на досуге» и о самих произведениях непрофессионального («низового») искусства, вокруг которого выстраивается сообщество. Определяющим для нас является вопрос, что такое низовое творчество и какое сообщество оно формирует. Ответив на этот вопрос, мы сможем ответить и на следующий – что такое «низовая» культура.

Было бы слишком просто определить низовую культуру как культуру полупрофессиональную, кустарную, или как народную, или, что совсем неверно – как повседневно-бытовую. Известно, что исторически первой формой низовой культуры стал фольклор в его поздних вариантах**. Контуры низовой культуры очерчены историческими этапами: в архаике – это культура Рода, в средневековье – культура социальных низов, в период формирования буржуазной культуры – культура «третьего сословия», в массовом и тоталитарном обществе – культура атомизированного индивида, тяготеющего к локальной идентификации. Пристальный взгляд наблюдателя обнаруживает неожиданные схождения между современными формами культуры и традиционным фольклором, его архаичными формами: всякий раз, когда в культуре возникает потребность в выходе за пределы рациональной прагматики, к иррационально-образной символической коммуникации людей, в действие вступают архаичные типы сознания.

«Низовая» культура тесно переплетается с человеческой повседневностью – фрагментированным временем, где человек вынужден пребывать в силу собственной историчности. Повседневность сегодня структурирована иначе, чем однообразная размеренность труда и отдыха индустриальной эпохи. Синхронические и диахронические аспекты времени в ней «накладываются» друг на друга, вызывая эффект зыбкости, нереальности. Вместе с текучестью времени трансформируются и приобретают виртуальность общности, в которых пребывает индивид.

Нельзя не заметить, что в данном контексте прорастает проблема множественных реальностей, связанная с проблемой идентичности современного человека при его переходе от одного повседневного мира к другому. Область, в которой происходят важнейшие процессы производства и взаимодействия культурных смыслов и ценностей, рассредоточена в таких «переходах». Человек находится не столько «внутри», сколько «на границе»

* Термин «низовые» применён Л.И. Тананаевой в отношении форм непрофессионального искусства в странах Восточной Европы / Сб. Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени. М.: Наука, 1983.

** Подробнее о классификации фольклора см. *Чередниченко Т.* Лекции по истории музыки. М., 1995.

разных субкультур. Следуя наблюдению Анны Рылеевой [Рылеева А. О наивном. М.: Академический проект: Российский институт культурологии. 2005], его маргинальность имеет не только социальный контекст, но и онтологическое измерение, так как выражает способность находиться на границе социального бытия и человеческой реальности: «человек XXI в. оказывается постоянно выбрасываемым из постоянных социальных связей, всевозможных ниш цивилизации, а сознание определяется не постоянством связей, а как раз постоянством выбрасывания из них, и возрастанием роли сознания в моменты предельных выборов...» [Там же]. Дробная структура пространства и времени ставит под вопрос культурную целостность индивида. Человек, оказавшись в межкультурном пространстве, как бы «расщепляется» на несколько субличностей и оказывается перед необходимостью со-творения мира, выстраивания себя подобно архаическому человеку.

В пространстве символического измерения обыденной жизни на первый план выходят практики, представляющие собой арену производства социальных ценностей: речевое общение, обмен ценными объектами, демонстративное потребление, участие в ритуалах, гостеприимство и проч. В отношении России, как справедливо замечает Нэнси Рис [Рис Н. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: Новое литературное обозрение, 2005], «доминирующей областью производства ценностей, безусловно, является речь во всех её формах и разновидностях». Наряду с речевым общением^{***}, автор исследования выявляет и называет такие, сопутствующие речевому общению, «неформальные ритуалы» повседневной жизни как прогулки, беседы «на кухне», чаепитие («Попьём чайку?»), дружеские визиты и ритуалы регулярных встреч, заготовка овощей, фруктов и ягод на зиму («закручивание»), выезд на дачу, «стояние в магазинных очередях» и проч. К перечисленным артефактам низовой культуры можно добавлять нескончаемый ряд других: ритуалы коммунального, студенческого, тюремного, школьного, корпоративного, религиозного (и др.) быта, создание художественной среды на рабочем месте, дома или на даче^{****}, ритуалы собственно творчества, самопрезентации и т.д.

^{***} В практике речевого общения автор выявляет определённые речевые жанры: литании, многозначительное молчание, риторика - коммунистическая, педантичная, фарисейская; хула, обвинения, брань, сетования, истории о походах по магазинам, истории о «хулиганских выходках», истории о мужьях, о сексуальных похождениях, разговоры об ужасах перестройки, о полной разрухе и т.п.

^{****} Материалы исследований по данному направлению опубликованы в таких изданиях как: Аронсон О. Богема: Опыт сообщества (Наброски к философии асоциальности). - М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. Ефимова Е. Современная тюрьма: Быт, традиции и фольклор. - М.: ОГИ, 2004. Панченко А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. - М.: ОГИ, 2002. Рис Н. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. - М.: Новое литературное обозрение, 2005. Утехин И. Очерки коммунального быта. - М.: ОГИ, 2004. Философия наивности / Сост. А.С. Мигунов. - М.: Изд-во МГУ, 2001. Русский школьный фольклор / Сост. Белоусов А.Ф. - М.: Ладомир, 1998.

Повседневность оказывается естественным образом включённой в культуру, становится своеобразной сценой, на которой разыгрываются жизненные коллизии негероического существования обыкновенного жителя города. Если высокая (профессиональная) культура является результатом отчуждения духовности от человека, то низовая культура, противостоящая первой, предстаёт в единстве экзистенциальных, метафизических, эстетических аспектов, представленных в повседневном существовании людей с их простыми культурными смыслами.